

М. Л. Конюкова

Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора

Автор статьи рассматривает творчество Пушкина в контексте качеств его личности как неиссякаемого источника трактовок любых исторических событий. Можно заявить о том, что Пушкин, подобно Библии, стал универсальным источником вдохновения и подтверждения собственных соображений для авторов из разных эпох, а также для представителей разных политических сил. Постепенно в русской пушкиниане возникли разные образы: Пушкина талантливого, Пушкина гражданского, Пушкина родного, Пушкина игривого и Пушкина страдающего. Это создало возможность своего рода жонглирования «разными Пушкиными» в зависимости от требований момента, настроения автора и политической ситуации. Автор рассматривает трансформацию образа «солнца русской поэзии» в текстах разных писателей и поэтов – от первых реакций на его гибель до современных оценок – и показывает на примерах из творений авторов из разных эпох то, насколько противоречива и объемна личность поэта, из которой каждый может извлечь то, что требуется.

Ключевые слова: Пушкин, «приватизация» Пушкина, пушкиниана.

Для цитирования: Конюкова М. Л. Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 1. – С. 164–175. DOI: 10.35231/25419803_2025_1_164. EDN: IARBJS

Александр Сергеевич Пушкин умер в 1837 году. Если еще при жизни великого русского поэта и писателя его произведения привлекали внимание критиков и мемуаристов, то после смерти в не менее значительный фокус исследований попала его личность. Литературоведческая пушкиниана достаточно быстро сошлась на восторженном восприятии творчества «солнца русской поэзии», лишь разделяя созданное по темам и периодам. Личность же Пушкина и по сей день не получила и не может получить столь однозначной оценки.

Очевидно, сложная, если можно так выразиться, «полифоническая» натура российского гения в принципе не может получить такую же однозначно положительную оценку, как его творчество. В какой-то момент отзывы о личности и характере поэта стали высвечивать его черты, близкие, во-первых, автору текста, а, во-вторых, так или иначе созвучные тем или иным настроениям эпохи. Можно сказать, перефразируя известную поговорку: скажи мне, какой у тебя Пушкин, и я скажу тебе, кто ты.

Материалы и методы

Используя метод сравнительного анализа художественных текстов, написанных в разные эпохи, стало возможным выделить «пятерых Пушкиных»: *Пушкина талантливового*, *Пушкина гражданственнового*, *Пушкина родного*, *Пушкина игривового* и *Пушкина страдающевого*. Появление, превалирование и трактовка каждого из вышеуказанных образов говорит не только об авторе оценки, но и о том, какими были настроения в обществе в тот момент, когда писалось то или иное произведение о великом поэте.

В статье рассматриваются как художественные произведения, так и тексты в жанрах публицистики, опубликованные в разные годы: от 1836 до 2024. Соотнося их содержание с историческим и политическим моментом, можно выявить еще одну интересную тенденцию: власть, оперируя образом гражданственнового Пушкина, пытается как бы «приватизировать» поэта.

Результаты

Отголоски формирования прижизненного образа живого Пушкина из серии *Пушкина игривового* в русской литературе можно увидеть в комедии Гоголя «Ревизор», вышедшей в 1836 году: «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: "Ну что, брат Пушкин?" – "Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все..." Большой оригинал» [3, с. 273].

Гибель поэта на дуэли неожиданно всколыхнула общество, в этот момент возник следующий Пушкин – страдающивый. Иронично-осуждающевое отношение к поэту как к талантливому человеку, но цинику и вертопраху, не умеющевому держать себя в руках, мгновенно улетучилось. Уход поэта стал ассоциироваться с вечным закатом Солнца.

Метафора, сравнивающая поэта с самой яркой звездой на небосклоне, принадлежит писателю-романтику В. Ф. Одоевскому, который 29 января 1837 года опубликовал в «Литературных прибавлениях» к газете «Русский инвалид» краткий и патетический некролог (он шел без подписи, но со временем авторство Одоевского было подтверждено И. Л. Андрониковым): «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!» [8].

В этот момент родился Пушкин *страдающий*, кончина которого превратилась в невозполнимую потерю. В ответ на извечный русский вопрос «кто виноват?» стали винить всех: конечно, в список виновных в утрате попали барон фон Геккерн и его пасынок Дантес, непосредственный участник дуэли; обличали жену Пушкина, особо смелые обвиняли в провокациях самого царя Николая I.

После того, как поток патетики схлынул, открылось огромное поле для исследователей биографии поэта. Апофеозом этих научных исканий стал двухтомный труд В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», в котором собраны, в основном, прижизненные письменные свидетельства современников «солнца русской поэзии», которые создали довольно объемную картину сложной судьбы этой противоречивой личности.

Итак, уже в первые годы после смерти поэта у России появились три Пушкина: *талантливый, изгивый и страдающий*.

Литераторы эпохи Серебряного века пошли дальше в области оценки личности Александра Сергеевича. Появился своего рода новый жанр: *прочувствованное эссе о Пушкине*. Признание в личной любви к великому поэту к XX веку стало если не обязательным жестом, то признаком хорошего тона. Стихотворец в таких произведениях выглядит очень лично. Ирония в подобных текстах отсутствует. Зато есть неперемные упоминания о его роли в литературе, нередко – несколько фраз, которые показывают, что автор прочно ассоциирует

поэта с Россией и, наконец, несколько слов о личном отношении. В этих произведениях явился еще один Пушкин – *родной*.

В такой «личной» связи с «солнцем русской поэзии» в прошлом веке не признался разве что ленивый. Вот несколько отрывков из подобных эссе.

А. А. Блок: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога» [2, IV, с. 43].

Марина Цветаева четче многих других сформулировала отношение к поэту, назвав эссе о нем, написанное в 1937 году, весьма интимно «Мой Пушкин». Вот цитата из этого произведения: «После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин – уже не краденый, а дареный, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, – обезвреженный, прирученный Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подпирающим кулачком скулу.

В этом Пушкине я любила только негрского мальчика. Кстати, этот детский негрский портрет по сей день считаю лучшим из портретов Пушкина, портретом далекой африканской души его и еще спящей – поэтической. Портрет в две дали – назад и вперед, портрет его крови и его грядущего гения. Такого мальчика вторично избрал бы Петр, такого мальчика тогда и избрал» [10, II, с. 290].

Сотая годовщина со дня гибели поэта стала отправной точкой для очередных славословий в адрес Пушкина. Александр Сергеевич *родной*, как в эссе Цветаевой, в этот момент стал замещаться Пушкиным *гражданственным*.

Что интересно: так его восприняли как эмигранты, так и советские граждане. Правда, гражданственность они определили по-разному. Для начала предоставим слово эмигрантам.

Борис Зайцев: «Кто любит Пушкина, тот за свободу. Кто с Пушкиным, тот за человека, родину и святыню. Если Пушкин завладевает сердцами России, значит жива Россия» [4, IX, с. 150].

Надежда Тэффи: «Пушкин – чудо России. Он единственный, воистину любимый... Русские не всегда любят своих героев. Но вот есть на Руси и исключение. Есть и для нас Некто, кому мы поклоняемся и знаем, что должны поклоняться, и, если кто не понимает, не чувствует, не может постигнуть величие этого «поклоняемого», тот берет его как догмат. Этот Некто Пушкин. Пушкин – чудо России» [9, с. 663].

Столетие гибели Пушкина отмечали не только литераторы-эмигранты (последние три цитаты – из их произведений). В СССР в 1937 году юбилей смерти поэта неожиданно превратился в праздник. Советские пушкинисты еще в 1933 году, так сказать, напомнили власти, что через четыре года – столетний юбилей смерти поэта. Власть услышала ученых – в итоге, празднование сотой годовщины со дня смерти поэта вылилось в огромную череду помпезных мероприятий: от издания произведений до установки памятников, от конференций до создания восторженных произведений «на смерть поэта». Писатели Булгаков и Вересаев получили «госзаказы» на написание книг об Александре Сергеевиче.

Таким образом советская власть как бы «приватизировала» Пушкина. Ленин охарактеризовал Льва Толстого как «зеркало русской революции», чему и посвятил одноименную статью. О Пушкине никто из классиков марксизма так прямолинейно не высказался. Но уже в первой половине 1920-х годов поэт Эдуард Багрицкий (он скончался в 1934, не дожив до масштабного празднования столетия со дня смерти поэта) наметил образ Пушкина, который в 1937 растиражировала советская власть. В стихотворении с незамысловатым названием «О Пушкине» Багрицкий написал:

...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса

Следит – упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые, скользкие зрачки...
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал
И в свисте пуль за песней пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
...Цветет весна – и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив [1, с. 125].

В этом стихотворении Пушкин – герой, убитый чуть ли не по личному приказу царя Николая I. Монарх самолично наблюдает за Дантесом во время роковой дуэли. Но главное в этом стихотворении – то, что лирический герой в Гражданскую войну в XX веке воюет с врагами поэта, погибшего в первой половине XIX столетия, и мстит им за его пролитую кровь.

Обвинение царя и двора в гибели Пушкина впервые открыто выдвинул Лермонтов в «Смерти поэта». Но тема мести, тема реванша «за Пушкина» зазвучала во время юбилейных торжеств кровавого 1937 года. Событий было так много, что за их чередой как-то забылся тот факт, что праздновали смерть. Впрочем, культом гибели за правое дело в советское время удивить никого не было возможно. Главное – сказать, что человек погиб не от того, что был измучен ревностью и изнывал под бременем карточных долгов, а стал жертвой царизма как нездоровой государственной системы.

Апофеозом торжеств, главным официальным мероприятием юбилея стало торжественное вечернее заседание в Большом театре в Москве 10 февраля 1937 года, в котором приняли

участие все руководители СССР во главе со Сталиным. Заседание транслировалось по радио на всю страну.

В этот же день газета «Правда» опубликовала редакционную статью, в которой в прямолинейной форме было заявлено о приватизации Пушкина советской властью: «Прошло 100 лет с тех пор, как рукой иноземного аристократического прохвоста, наемника царизма, был застрелен величайший русский поэт. Пушкин целиком наш, советский, ибо советская власть унаследовала все, что есть лучшего в нашем народе. В конечном счете, творчество Пушкина слилось с Октябрьской социалистической революцией, как река вливается в океан» [7, с. 1].

После этого Пушкин практически превратился в коммуниста – врага царизма – революционера. Тот факт, что перед смертью он направил покаянное послание царю, в котором писал о том, что зря нарушил запрет, наложенный на проведение дуэлей, замалчивали. В 1937, в год кульминации сталинских репрессий, родился новый Пушкин, героический, советский, государственный. Для пушкиноведов наступили, скорее, хорошие времена, чем плохие. «Советского» Пушкина можно было изучать беспрепятственно, публикуя о нем все новые и новые статьи. Правда, следовало умалчивать факты типа покаянного письма царю. Конечно, дурным тоном стало еще и то, что Пушкин перед смертью причастился и умер добрым христианином. Жаль, что к моменту смерти поэта еще не существовал коммунизм: можно было рассказать о том, как Пушкин перед смертью попросил принести ему «Капитал» Маркса. И скончался, положив руку на труд классика марксизма.

Даниил Хармс в страшном 1939 году (в начале 1942 он скончался в тюремной больнице) создал несколько анекдотов про Пушкина, написанных в жанре абсурда. В то время, когда в стране царил Пушкин *гражданственный*, советский, это было чуть ли не крамолой: могло быть расценено как вражеская вылазка. (Интересно, что в начале 1970-х, в относительно «вегетарианское» время, «инициативу Хармса» подхватили книжный график Наталья Доброхотова-Майкова и художник-нонконформист Владимир Пятницкий. И создали книгу «Веселье ребята», которую еще именуют «Псевдо-Хармс». А в ней они самиздатовским методом (иначе было нельзя: Пушкин в СССР, во-первых, был советским, во-вторых, святыней) опубликовали ряд новых абсур-

дистских анекдотов о Пушкине. Героями коротких юмористических рассказиков стали также Толстой, Гоголь, Достоевский).

Но именно этот Пушкин стал главным героем произведения Абрама Терца (псевдоним Андрея Синявского) «Прогулки с Пушкиным». Писатель в 1966 году был осужден на семь лет колонии по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Об обстановке, в которой создавалось это произведение, писала Мария Розанова, супруга Терца: «И вот последний день процесса по делу Синявского-Даниеля. Суд удалился на совещание. Четыре часа мы ждем приговора. Осужденных уводят. Я беседую с адвокатом. – Знаете, чем занимается ваш муж в ожидании приговора? – Может быть, апелляцию сочиняет? – говорю я адвокату. – Нет, он пишет о Пушкине, заметки о Пушкине. "Прогулки" стали как бы продолжением последнего слова на суде и прозвучали как гимн во славу чистого искусства и свободного творчества» [6, с. 159]. Из лагеря писатель посылал следующие части «Прогулок с Пушкиным». Розанова отметила легкость и музыкальность книги как признаки ее пушкинского духа.

Там же Розанова выразила свое мнение о патетико-героическом восприятии образа поэта: «... мы выросли в эпоху такого пафоса, что до сих пор не можем избавиться от этого тяжелого груза. Мы так привыкли отечество славить, которое есть, клеймить несуществующих врагов и жить под звуки военно-физкультурного парада за сплошным частоколом из восклицательных знаков, что где-то уже не понимаем и не чувствуем, что горестный вопль "Солнце русской поэзии закатилось!" был возможен только один раз – в отчаянную минуту смерти. А потом дальним эхом: "и вчерашнее солнце на черных носилках несут..."» [6, с. 149]

Многогранность образа великого поэта позволяет «извлекать» из него, как из Библии, цитаты, актуальные для той или иной эпохи и политической ситуации. В нем сочетались легкомыслие и глубина, легкость и способность глубоко переживать, восторженное отношение к женщине и цинизм и откровенность в рассказах о собственных похождениях. Пушкин, как большинство гениев, был многолик. И самым верным отношением к нему будет принятие его каждого лица в отдельности как части сложной выдающейся личности.

Обсуждение и выводы

Оценка многоликой гениальной личности, состоящей из Пушкина страдающего, Пушкина, опять же, гениального, Пушкина родного, Пушкина гражданственного, Пушкина играющего и, может, еще многих Пушкиных, зависит от того, кто говорит и пишет о поэте, и – что немаловажно – в каком состоянии, в каком историческом моменте пребывает государство.

Интересно, что Хармс и Терц (особенно первый) писали свои иронические произведения, пребывая в статусе парий, как бы вопреки политике государственного пушкинизма. Анекдоты о Пушкине и «Прогулки с Пушкиным» стали своего рода бунтом, демонстрацией независимости суждений и сеансом психологической самотерапии. Образ Пушкина играющего в определенные моменты истории оказывается терапевтичен. Но демонстрировать в определенный исторический момент, вопреки государственной пушкиниане, неканонический образ поэта – это, своего рода, диссидентская выходка, за которую можно и по шапке получить.

Сегодня можно говорить о том, что опять возник образ Пушкина государственного, патетического, одобряющего политику страны. Конечно, в нынешнее время никто не назовет поэта «нашим» или «советским». Но отсылка к его творчеству может стать подтверждением верности государственной политике.

Известный писатель Захар Прилепин, лауреат многих литературных премий, пишет: «Пушкин для меня – одно из главных свидетельств существования Бога. К тому же Пушкин показывает, что Господь любит Россию, и в новейшей истории заранее указал нам все пути.

Идите, мол, не запутайтесь.

В «Капитанской дочке» и в «Дубровском» (и в «Песнях о Стеньке Разине») все есть про Пригожина, в «Полтаве» (и в «Клеветниках России») – про украинский конфликт и европейские ценности (и антиценности), в «Евгении Онегине», в «Руслане и Людмиле», в «Повестях Белкина», в «Медном всаднике», в «Маленьких трагедиях» есть про все остальное.

Пушкин – мироздание с беспримечной четкостью линий, его архитектура абсолютна и гармонична.

В Пушкине есть стихия освобождения и вольности и есть абсолютное государственное чувство.

Ну, почитай же Пушкина, ну, возносись над косностью своей!.. Пушкин не просто “наше все”.

Пушкин за нас. Пушкин за наших. Пушкин – в Бахмуте и далее везде.

Теперь Киев. Пушкину нужен Киев»¹.

Еще в 2022 году Прилепин в интервью «Аргументам и фактам» сказал: «Пушкинские стихи... “Клеветникам России” обращены, напомню, даже не к Польше, а к коллективному Западу, который собирается решать за нас, что нам делать со своей украинской и белорусской землей»².

В этом стихотворении, на которое ссылается Прилепин, есть такие слова:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы [5, III, с. 262].

Что ж, спустя почти век после помпезного празднования столетия со дня гибели поэта появился новый образ Пушкина государственного. Очередная «приватизация» Пушкина группой литераторов, во главе которой стоит Захар Прилепин, – налицо. Круг, который начали чертить в 1937 году, замкнулся.

Последний ли это образ Пушкина? Вряд ли. Ибо из Пушкина можно бесконечно извлекать все новое и новое – в поддержку собственных нравственных убеждений и моральных принципов.

Список литературы

1. Багрицкий Э. Г. Стихотворения и поэмы. – М.: Правда, 1984. – 448 с.
2. Блок А. А. Речь «О назначении поэта», произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина (1921) // А. А. Блок. Собрание сочинений: в 6 т. – Л.: Художественная литература, 1980–1983. – Т. IV. 1982. – С. 413–421.
3. Гоголь Н. В. Повести. Ревизор. – М.: Художественная литература, 1984. – 334 с.
4. Зайцев Б. К. Победа Пушкина // Б. К. Зайцев. Собрание сочинений: в 9 т. – М: Русская книга, 2000. – Т. IX (доп.). – С. 150.

¹ Прилепин З. Пушкину нужен Киев // Ваши новости. 2024. Электронный ресурс. URL: <https://vnnews.ru/zakhar-prilepin-pushkinu-nuzhen-kiiev/> (дата обращения: 06.01.2025).

² Прилепин З. Пушкин – это гангстер // Аргументы и факты. 2022. Электронный ресурс. URL: https://aif.ru/culture/book/zakhar_prilepin_pushkin_eto_gangster/ (дата обращения: 06.01.2025).

5. Пушкин А. С. Клеветникам России // А. С. Пушкин. Собрание сочинений: в 16 т. – М.: Художественная литература, 1948. – Т. III. – С. 269–270.

6. Розанова М. В. К истории и географии этой книги // Терц А. Прогулки с Пушкиным. – СПб.: Всемирное слово, 1993. – С. 149–158.

7. Слава русского народа // Правда. – 1937. – № 40. – С. 1.

8. Солнце нашей поэзии закатилось! (без подписи) // Русский инвалид. Литературные прибавления. – 1837. – 29 января. – С. 1.

9. Тэффи Н. А. Пушкинские дни // Пушкин в эмиграции. 1937. Сост., коммент., вступит., очерк Вадима Перельмутера. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – С. 663–665.

10. Цветаева М. И. Мой Пушкин // М. И. Цветаева. Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1988. – Т. II. – С. 290–337.

Maria Konyukova

The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities of the Author

The author of the article examines Pushkin's work in the context of his personality traits as an inexhaustible source of interpretations of any historical events. It can be stated that Pushkin, like the Bible, became a universal source of inspiration and confirmation of their own ideas for authors from different eras, as well as for representatives of different political forces. Gradually, different images emerged in Russian Pushkiniana: talented Pushkin, civic Pushkin, native Pushkin, playful Pushkin and suffering Pushkin. This created the opportunity for a kind of juggling of "different Pushkins" depending on the demands of the moment, the author's mood and the political situation. The author examines the transformation of the image of the Sun of Russian poetry in the texts of different writers and poets – from the first reactions to his death to modern assessments – and shows, using examples from the works of authors from different eras, how contradictory and voluminous the poet's personality is, from which everyone can extract what they need.

Key words: Pushkin, "privatization" of Pushkin, Pushkiniana.

For citation: Konyukova, M. L. (2025) *Obraz Pushkina v russkoj literature i zhurnalistike kak pokazatel' nastroyenij v obshchestve i lichnyh kachestv avtora* [The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities of the Author]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 164–175. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_1_164. EDN: IARBJ5

References

1. Bagrickij, E. G. (1984) *Stihotvoreniya i poemy* [Poems]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).

2. Blok, A. A. (1982) *Rech' «O naznachanii poeta», proiznesennaya v Dome literatorov na torzhestvennom sobranii v 84-yu godovshchinu smerti Pushkina (1921)* [Speech "On the Appointment of the Poet", delivered at the House of Writers at a ceremonial meeting on the 84th anniversary of Pushkin's death]. A. A. Blok. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [A. A. Blok. Collected works: 6 vols.]. Vol. IV. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 413–421. (In Russian).

3. Gogol, N. V. (1984) *Povesti. Revizor* [Stories. Auditor]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).

4. Zajcev, B. K. (2000) *Pobeda Pushkina* [Pushkin's Victory]. B. K. Zajcev. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [V. K. Zaitsev. Collected Works: in 9 vols.]. Vol. IX. Moscow: Russkaya kniga Publ. P. 150. (In Russian).

5. Pushkin, A. S. (1948) Klevetnikam Rossii [To the Slanderers of Russia]. A. S. Pushkin. *Sobranie sochinenij: v 16 t.* [A. S. Pushkin. Collected Works: in 16 vols.]. Vol. III. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Pp. 269–270. (In Russian).

6. Rozanova, M. V. (1993) K istorii i geografii etoj knigi [On the history and geography of this book]. *Terc A. Progulki s Pushkinym* [Tertz A. Walks with Pushkin]. St. Petersburg: Vsemirnoe slovo Publ. Pp. 149–158. (In Russian).

7. [From the editors] (1937) Slava russkogo naroda [Glory of the Russian people]. *Pravda – Truth*. No. 40. P. 1. (In Russian).

8. [From the editors] (1837) Solnce nashej poezii zakatilos! [The sun of our poetry has set!]. *Russkij invalid. Literaturnye pribavleniya* [Russian invalid. Literary additions], 29 yanvarya. P. 1. (In Russian).

9. Teffi, N. A. (1999) Pushkinskie dni [Pushkin Days]. *Pushkin v emigracii. 1937* [Pushkin in Exile. 1937]. Sost., komment., vstupil, ocherk Vadima Perel'mutera. Moscow: Progress-Tradiciya Publ. Pp. 663–665. (In Russian).

10. Cvetaeva, M. I. (1988) Moj Pushkin [My Pushkin]. M. I. Cvetaeva. *Sochineniya: v 2 t.* [M. I. Tsvetaeva. Works: in 2 vols.]. Vol. II. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Pp. 290–337. (In Russian).

Об авторе

Конюкова Мария Львовна, старший преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: markon72@list.ru; ORCID ID: 0000-0001-9515-4384

About the Author

Maria Konyukova, Senior Lecturer, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: markon72@list.ru; ORCID ID: 0000-0001-9515-4384

дата получения: 14.01.2025 г.
дата принятия: 28.02.2025 г.
дата публикации: 27.03.2025 г.

date of receiving: 14 January 2025
date of acceptance: 28 February 2025
date of publication: 27 March 2025